

Автор перевода: Генно

Stephen King, Owen King
Sleeping Beauties

Глава 1

1

Ри спросила у Джанетты, наблюдала ли она когда-либо за квадратом света от окна. Джанетта ответила, что нет. Ри занимала верхнее место на койке, Джанетта — нижнее. Они обе ждали, когда камеры откроются для завтрака. Очередное утро.

Судя по всему, сокамерница Джанетты провела исследование квадрата. Ри пояснила, что квадрат начал своё движение со стены напротив окна, скользил ниже, ниже, ниже, затем спустился на поверхность стола и, наконец, перекинулся на пол. Как теперь могла заметить Джанетта, он был прямо там, в центре пола, чертовски яркий.

— Ри, — заговорила Джанетта. — Меня просто не волнует квадрат света.

— Говорю же тебе, квадрат света просто не может не волновать! — Ри издала гудок, — она так выражала что-то забавное.

Джанетта ответила:

— Хорошо. Что бы это, нахрен, ни значило, — на что её сокамерница лишь просигналила ещё раз.

Ри была в порядке, но смахивала на дитя, — тишина вводила её в панику. Ри сидела за кредитное мошенничество, подлог документов и хранение наркотиков с целью продажи. Она не преуспела ни в чём из этого, что и привело её сюда.

Джанетта сидела за убийство; зимней ночью 2005-го года она ударила своего мужа, Дэмиана, отвёрткой в пах, и так

как он был высоким, то просто сел в кресло и позволил себе истечь кровью. Конечно, она тоже была высокой.

— Я наблюдала за часами, — сказала Ри. — Засекала. Двадцать две минуты понадобилось свету на перемещение от окна туда на пол.

— Ты должна позвонить Гиннесу, — ответила Джанетта.

— Этой ночью мне снилось, что мы с Мишель Обама ели шоколадный пирог и она нудела: «Это сделает тебя толстой, Ри!» Но она тоже ела пирог. — Ри прогудела. — Не. Не было такого. Гоню. На самом деле у меня был сон про учительницу. Она постоянно говорила мне, что я в неправильном классе, а я настаивала, что была в правильном, и она сказала «хорошо», и затем немного повела урок, и сказала мне, что я в неправильном классе, и я сказала «нет», что я в правильном, и мы зарубились на этом. Это было так невыносимо. Джанетта, а тебе что снилось?

— Эм... — Джанетта попыталась вспомнить, но не смогла. Её новые препараты, казалось, делали сон крепким. Раньше иногда у неё были кошмары о Дэмиане. Он обычно выглядел так же, как на следующее утро после своей смерти, его кожа была полосато-синей, похожей на невысохшие чернила.

Джанетта спросила доктора Норкросса, не думает ли он, что сны как-то связаны с чувством вины. Доктор впялился в неё взглядом «ты, нахрен, серьёзно?», который обычно сводил её с ума, но от которого она уклонилась, а затем спросил, не кажется ли ей, что у кроликов свисают уши. Ну, хорошо. Понятно. Так или иначе, Джанетта не скучала по этим снам.

— Извини, Ри. Ничего не всплыло. Если мне что-то и снилось, оно ушло.

Где-то там в коридоре второго этажа Крыла В по цементу затопали ботинки: офицер проводил последнюю проверку перед открытием дверей.

Джанетта закрыла глаза. Она решила помечтать. Тюрма в мечтах была руинами. Пышная растительность карабкалась по древним стенам камеры и проветривалась весенним

ветерком. Камера была полуразрушенной, истерзанной временем так, что от потолка остался лишь выступ. Пара крошечных ящериц перебежала через проржавевшие обломки. В небе кувыркались бабочки. Сильные запахи земли и листья были приправлены тем, что осталось от камеры. Бобби, стоявший в разломе стены, был просто поразителен и смотрел внутрь. Его мама была археологом. Изучала это место.

— Как думаешь, можно ли участвовать в игровом шоу, если у тебя криминальное прошлое?

Видение развалилось. Джанетта издала стон. Как было бы здорово, если бы оно продолжалось. Жизнь на подушках была определённно лучше. Они были самым тихим, спокойным местом, какое только можно было найти. Надо отдать доку должное; лучше жить через химию. Джанетта снова открыла глаза.

Ри пялилась на Джаннет. Не сказать конкретно про тюрьму, но такой девушке, как Ри, возможно, безопаснее было находиться взаперти. Во внешнем мире она бы просто плыла по течению. Или продавала дозу нарику, который ничего из себя больше не представлял. С чем она покончила.

— Что не так? — спросила Ри.

— Ничего. Я была просто в раю, вот и всё, а твой большой рот всё испортил.

— Что?

— Неважно. Слушай, я думаю, должно быть такое игровое шоу, где можно играть, только если у тебя есть криминальное прошлое. Назовём его, например, «Ложь за призы».

— Вот это да! Как в нём всё будет происходить?

Джанетта села и зевнула, пожала плечами.

— Нужно подумать. Ну, составить правила.

Их дом был там же, где и всегда, и всегда будет, бесконечный мир, аминь. Клетка десять шагов в длину,

четыре шага от коек до двери. Стены были гладкими, цемент, окрашенный серо-жёлтым. Их изогнутые фотографии и открытки (то немного, на что хотелось смотреть) были прикреплены с помощью шариков зелёного пластилина на единственном разрешённом месте. Небольшой металлический письменный стол у одной стены и короткая металлическая полка у противоположной стены. Слева от двери находился стальной унитаз, на котором нужно было сидеть на корточках, отвёрнутый в сторону для предоставления плохой иллюзии уединения. Дверь камеры, двухпанельное окно на уровне глаз, дающее вид на короткий коридор, проходивший через Крыло В. Каждый дюйм и объект внутри камеры был приправлен всепроникающими запахами тюрьмы: пота, плесени и чистящего средства.

Помимо своего желания Джанетта, наконец, обратила внимание на солнечный квадрат между кроватями. Он был почти у двери, но у него не получится выйти дальше, ведь так? Пока тюремщик не вставит ключ в замок или камеру не откроют из Будки, он был здесь в ловушке, как и они.

— А кто будет ведущим? — спросила Ри. — Каждому игровому шоу нужен ведущий. И какие призы? Призы должны быть хорошими. Детали! Мы должны придумать все детали, Джанетта.

Ри подпёрла голову рукой и наматывала на палец плотные отбеленные локоны, смотря на Джанетту. В верхней части лба у Ри располагалось пятно рубцовой ткани, похожее на отметку, сделанную сеткой для гриля, — три глубоких параллельных линии. Хотя Джанетта и не знала, что стало причиной шрама, она могла предположить, кто его нанёс: мужчина. Возможно, её отец, вероятно, бойфренд, может быть, парень, которого она никогда не видела прежде и никогда не увидит впредь. Среди обитателей исправительного учреждения Дулинга было, мягко говоря, мало историй про выигрыш призов. При этом множество историй про плохих парней.

Что ты могла делать? Ты могла жалеть себя. Ты могла ненавидеть себя или вообще всех. Ты могла получить чистящие средства с резким запахом. Ты могла делать всё, что угодно (правда, в весьма ограниченных пределах), но

ситуация бы не изменилась. Твоя следующая попытка крутануть великое, большое, сияющее Колесо фортуны наступит не раньше следующего слушания по делу. Джанетта была готова сделать всё от себя зависящее. У неё было, о ком думать, — о её сыне.

Раздался раскатистый глухой звук, — офицер в Будке открыл шестьдесят два замка. Было 6:30 утра, все выходили из своих камер на пересчёт.

— Ри, я не знаю. Подумай об этом, — ответила Джанетта, — и я подумаю, а позже мы обменяемся мыслями. — Она скинула ноги с кровати и встала.

2

На террасе дома Норкросса, в нескольких милях от тюрьмы, Антон, присматривающий за бассейном, вылавливал слдохших насекомых. Бассейн был подарком доктора Клинтон Норкросса на десятилетний юбилей его жене, Лайле. Находящийся в поле зрения Антон часто приводил Клинта к вопросу о мудрости такого подарка. Как произошло и этим утром.

Антон был без майки, и на то были две хорошие причины. Во-первых, день обещал быть жарким. Во-вторых, пресс у него был стальной. Он был сплочённым, управлялся с бассейном; выглядел как жеребец на обложке любовного романа. Если стрелять в живот Антона, то делать это надо было под углом, чтобы избежать рикошета. Что он ел? Горы чистого протеина? Как он тренировался? Очищая авгиевы конюшни?

Антон взглянул вверх, улыбнувшись из-под сияющих линз вайфареров¹. Свободной рукой он помахал Клинту, который наблюдал из окна на втором этаже хозяйской ванной.

— Господи Иисусе, чел, — Пробормотал себе Клинт. Помахал в ответ. — Будь милостивым.

¹ Вайфареры (устоявшаяся в России транскрипция от англ. Wayfarers) — очки в роговой или пластмассовой оправе, выпущенные фирмой Bausch & Lomb под своим брендом Ray Ban в 1952. Они имеют трапециевидную форму, сверху шире, и черную или цветную оправу. (здесь и далее прим. пер.)

Клинт отодвинулся от окна. В зеркале на закрытой двери ванной появился сорокавосемилетний белый мужчина, бакалавр гуманитарных наук из Корнеллского университета, доктор медицины из Нью-Йоркского университета, жировые складки из «Старбакс Гранде Моча». Его борода цвета соли с перцем относилась больше не к мужику-дровосеку, а к одноногому капитану дальнего плавания.

Этот его возраст и разрыхлённое тело должны восприниматься, как и любой вид неожиданностей, бьющих по Клинту, иронически. Он никогда особо не переносил мужское тщеславие, особенно его разновидность в среднем возрасте, и накопленный профессиональный опыт, если уж на то пошло, подрезал этот конкретный фитиль всё короче. На самом деле то, что Клинт считал великим решающим моментом своей медицинской карьере, произошло восемнадцать лет назад, в 1999 году, когда предполагаемый пациент по имени Пол Монпелье пришёл к молодому доктору с «кризисом сексуальной амбиции».

Он спросил Монпелье:

— Что вы подразумеваете под «сексуальной амбицией»? — Амбициозные люди ищут продвижения. Невозможно в реальности стать вице-президентом секса. Это был своеобразный эвфемизм.

— Я имею... — Монпелье, казалось, взвешивал различные описания. Он прочистил горло и сделал выбор. — Я хочу продолжать заниматься этим. Я хочу продолжать этого хотеть.

Клинт ответил:

— Это не выглядит необычно амбициозным. Это кажется нормальным.

Свежий после психиатрической резидентуры и ещё не разрыхлённый, Клинт находился в офисе всего второй день, и Монпелье был всего вторым его пациентом.

(Его первым пациентом была девочка-подросток с некоторыми страхами по поводу успехов в колледже. Однако весьма быстро прояснилось, что она получила 1570 баллов

за Академический оценочный тест². Клинт указал на то, что это блестящий результат и что необходимости в лечении или втором посещении нет. «Здорова!» – быстро вывел он в нижней части разлинованного жёлтого блокнота, который использовал для записей).

Пол Монпелье сидел в кресле из кожзаменителя напротив Клинта и в этот день на нём были белые пуловер и брюки. Он сидел, спорбившись, с лодыжкой на колене, поддерживая нарядную туфлю рукой во время разговора. Клинт видел, как он парковал свой ярко-красный спортивный автомобиль на стоянку у невысокого офисного здания. Работа в верхней части пищевой цепочки угольной индустрии могла ему позволить приобрести такую машину, но его продолговатое измученное лицо напоминало Клинту Братьев Гавс, которые мешались под ногами у Скруджа Макдака в старых комиксах.

– Моя жена говорит... ну, не так многословно, но, знаете, достаточно прозрачно. Ну, подтекст. Она хочет, чтобы я забил. Забил на сексуальную амбицию. – Он вздёрнул свой подбородок вверх.

Клинт проследовал за его взглядом. Это был стремительный разворот к потолку. Если Монпелье послал свою сексуальную амбицию туда, значит, ей суждено прерваться.

– Пол, давайте вернёмся назад. Как эта тема вышла на первое место между вами и женой? Как это началось?

– У меня была связь. Поспешная случайность. И Рода – моя жена – выгнала меня! Я объяснил, что это не из-за неё, это было... мне было нужно, ясно? У мужчин есть потребности, которые женщины не всегда понимают. – Монпелье провернул голову вокруг шеи. Издавал недовольный шик. – Я не хочу развода! Часть меня чувствует, что она та, с кем мы должны прийти к некоторым договорённостям по этому поводу. Со мной.

Уныние и безысходность мужчины были настоящими, и Клинт мог представить себе боль, доставляемую этим

² Академический оценочный тест/SAT – стандартизованный тест для приема в высшие учебные заведения в США. Максимальное количество баллов – 1600.

внезапным вытеснением — жить на чемоданах, есть водянистые омлеты самому в закускойной. Это не было клинической депрессией, но это было важным и заслуживало уважения и поддержки, даже если он сам себя привёл к этой ситуации.

Монпелье перегнулся через растущий живот.

— Давайте начистоту. Я трахаюсь на этом свете пятьдесят лет, доктор Норкросс. Мои лучшие сексуальные дни уже ушли. Я отдал их ей. Уступил ей. Я сменил простыни. Объездил все игры и соревнования и основал фонды колледжей. Я отметил каждый пункт в опроснике о браке. Так почему мы не можем заключить нечто вроде договора? Почему это должно быть настолько ужасным и сеять ссору?

Клинт не ответил, просто ждал.

— На прошлой неделе я был у Миранды. Это женщина, с которой я спал. Мы занимались этим на кухне. Мы занимались этим в её спальне. У нас почти получилось это повторить под душем. Я был счастлив, как чёрт! Эндорфины! А потом вернулся домой, и у нас был хороший семейный обед, мы играли в «Скраббл», и ещё все чувствовали себя отлично! В чём проблема? Это надуманная проблема, мне кажется. Почему я недостоин чуточки свободы? Слишком многого прошу? Это настолько возмутительно?

Пару секунд никто не говорил. Монпелье внимательно смотрел на Клинта. Правильные слова кружились и метались в голове Клинта, как головастики. Их было легко поймать, но он пока сдерживался.

За пациентом к стене была приставлена репродукция Хокни³ в рамке, которую Лайла дала Клинту для «разогрева места». Он планировал повесить её в тот день. Рядом с репродукцией лежали его частично распакованные коробки с медицинскими текстами.

³ Хокни, Дэвид (род. 1937) — английский художник, график и фотограф, который значительную часть жизни провел в США. Заметный представитель поп-арта в 1960-х, считается одним из влиятельнейших художников XX столетия.

Кому-то нужно помочь этому человеку, задумался молодой доктор, и они должны это сделать в приятной, тихой комнате, как эта. Но должен ли этим человеком стать Клинтон Р. Норкросс, доктор медицины?

В конце концов, он чрезвычайно тяжело работал, чтобы стать доктором, и тогда не было фонда колледжа, который помог бы ему продвинуться. Он вырос под грузом сложных обстоятельств и расплачивался по-своему, подчас больше, чем деньгами. Чтобы пробиться, он делал вещи, о которых никогда не рассказывал жене и никогда не расскажет. Было ли это тем, что он сделал для тех достижений? Лечить сексуально амбициозного Пола Монпелье?

Болезненная гримаса извинения смяла широкое лицо Монпелье.

— Ох, парень. Блин. Я всё сделал неправильно, да?

— Вы всё делаете отлично, — сказал Клинт и на следующие тридцать минут сознательно отставил свои сомнения. Они разобрали детально тему; рассмотрели её со всех сторон; обсудили разницу между желаемым и необходимым; они поговорили о миссис Монпелье и её заурядными (по мнению Монпелье) предпочтениями в постели; они даже совершили неожиданно откровенный обходной манёвр, чтобы добраться до раннего пубертатного сексуального опыта Пола Монпелье, когда он мастурбировал с помощью челюстей набивного крокодила младшего брата.

Клинт, в соответствии со своим профессиональным долгом, спросил Монпелье, думал ли тот когда-нибудь навредить себе. (Нет). Он поинтересовался, как бы Монпелье почувствовал себя, если бы роли поменялись местами. (Он настаивал, что предлагал ей делать всё, что необходимо). Где Монпелье видел себя через пять лет? (И тогда мужчина в белом пуловере начал рыдать).

В конце сессии Монпелье сказал, что уже ждёт следующую, и сразу, как тот ушёл, Клинт позвонил в свою службу. Он сказал перенаправлять все его звонки на психиатра в Мэйлоке, следующем городке. Оператор спросил, в течение какого времени.

– Пока из ада не сообщат о вьюге, – ответил Клинт. Он пронаблюдал, как Монпелье подал задом на своём ярко-красном спортивном автомобиле и сорвался со стоянки, чтобы никогда не вернуться обратно.

После этого он позвонил Лайле.

– Привет, доктор Норкросс, – Ощущение её голоса давало ему то, что люди подразумевали – или должны были подразумевать – под пением сердца. Она спросила, как проходит его второй день.

– Заглянул с визитом самый неосознательный человек в Америке, – сказал он.

– О! Там был мой отец? Ставлю, что репродукция Хокни его смутила.

Его жена была смышлёной, такой же смышлёной, как и страстной, и такой же неистовой, как и смышлёной. Лайла любила его, но никогда не переставала выбивать с насиженной точки. Клинт думал, что, вероятно, это было ему необходимо. Вероятно, было необходимо большинству мужчин.

– Ха-ха-ха, – ответил Клинт. – Послушай, эта вакансия в тюрьме, которую ты упоминала. Кто тебе про неё говорил?

Прошла секунда или две тишины, пока его жена размышляла над подтекстами вопроса. Она ответила собственным вопросом:

– Клинт, ты мне что-то хочешь сказать?

Клинт даже не думал, что она может огорчиться его решением бросить частную практику ради бюджетной. Он был уверен, что этого не будет.

Возблагодарим Господа за Лайлу.